

Вас люблю

Александр Галин любит писать письма Александру Калыгину. И, чтобы не ждать, когда их опубликуют в последнем томе собрания сочинений, сразу посылает их в «Общую газету» (см. «ОГ», № 4 и 41, 2000 г.).

Надо заметить, Калыгин на них никогда не отвечает... письменно. А только новыми ролями. И тогда Александр вновь пишет Александру. Друг пишет другу. Похоже, на наших глазах и на наших страницах в эпистолярном жанре складывается интересная книжка о времени, которое мы проживем вместе с замечательным драматургом и неподражаемым артистом...

Александр ГАЛИН

Дорогой Саша! Прошло довольно много времени, с тех пор как я послал тебе последнее письмо, — целый театральный сезон. Люди театра измеряют время сезонами: от пьесы к пьесе, от спектакля к спектаклю. Жизнь артиста измеряется ролями. С исторической точки зрения, по отсчету Манделштама, она — «короче, чем взмах ресниц». Но бывает иногда, что в роли вдруг отразится целая эпоха, ее кровавые и фарсовые коллизии, ее персонажи. Тебе всегда удавалось на сцене, и особенно в кино, всякого рода ловкачи, мошенники и плуты. Некоторые твои небольшие кинороли прошедшее оставили в памяти на десятилетия. Несомненно, ты был рожден для Павла Александровича Чичикова. Этот великий характер Гоголь сочинил для тебя.

На этот раз я пишу тебе письмо после того, как ты сыграл очередного своего обязательного негодяя — наивного идиота и веселого мошенника Убо, которого судьба вознесла на самую вершину власти и славы. Театр, поставив очень старую пьесу, ранний европейский авангард юного футуриста Альфреда Жарри, повторил уже давно пройденное запальным искусством. Это «повторение пройденного» вполне естественно, и даже важно, для твоего молодого коллектива: артистам надо почувствовать европейскую школу игры, понять и ощутить себя в ее истории.

Повторение в искусстве часто бывает слепым подражанием, бездушной копией, но может стать и трагедией Шекспира.

На Западе, особенно в Америке, давно существует такое явление, как ремейк. К нам оно только приходит. В англо-русском словаре дан перевод: «remake — переделывать, делать заново».

Как-то ехал я по родной Покровке и вдруг увидел огромный рекламный щит. Молодая экологичная красавица сидела в ванной, покрытая нежной мыльной пеной. «Я люблю тебя, Калыгин!» — было написано на плакате. Я приторопозил. Шел снег, ветер бил в обнаженные плечи красавицы, а она улыбалась. Калыгину сквозь метель и вьюгу. Где был ее счастливый избранник? В тюрме ли? На заседании парламента? На совете директоров банка? А может быть, неся по далекой калмыцкой степи на белом ламузине или на горячем коне? Какая-то порочная, победная тайна скрывалась в улыбке юной степной вельми, будто летела она в своем кипишем корыте по одной из великому маршруту. Она была свободной россиячкой и признавалась в чувстве к своему избраннику, как могла и как понимала свое время и его этикет. Вполне возможно, что оказалась Калыгин слишком гордым и требовал от избранницы таких немалых затрат на их рекламную кампанию; или было не намертво оккупирован другой, и девушка с плаката метила в свою соперницу... А впрочем, какое нам дело до этого? Почему не только Калыгину, но и нам, его соотечественникам, предложение было узнать о смутных девичьих чувствах, предельных в такой экзотической форме? Почему нас всех призвали в свидетели?

Не знаю, было ли это признание финалом или началом любви безвестной девушки и Калыгина, но рискованное приглашение миллионов горожан в тайный девичий мир вызвало какое-то острое чувство жалости и к ней, и к ее избраннику, а также к великой Москве, ко всей нашей растерявшейся стране. Вряд ли рекламный плакат чей-то частной жизни мог быть помещен где-нибудь на Бродвее, на Елисейских полях или у Бранденбургских ворот: непременно нашлись бы протестующие американцы, французы или немцы,

которые не захотели бы принудительно смотреть на избранницу Калыгина и быть невольными свидетелями ее интимного признания. Но под рекламным шитом не собирались возмущенные москвичи. Привычные ко всему, они шли сквозь метель, сходили в машины и троллейбусах. А мне все чудилось, что где-то я уже это встречал или слышал об этом...

Конечно! Это был микроскопический российский ремейк других, почти планетарных событий! Я наконец вспомнил ту, кто научил нашу красавицу, кто ей проложил дорогу! Да разве милая наша, наивная девушка из ванной, всего лишь признаваясь к любви к

Калыгину, сравнима со знаменитой, вошедшей в мировую историю, американской дивой, не скрывавшей от всего человечества куда более тайные подробности своей любви?! Великая телевизионная империя транслировала на весь мир шоу под условным названием «Семья президента», и это стало торжеством и символом свободы под конец двадцатого века! Шоу потешило человечество, но человечество не отказалось от этого умопониющего зрелища. Наоборот! Несколько пьен засохшей спермы на платье американки как-то время занимали умы людей больше, чем все остальные земные события и события. Устоять было невозможно! Выключить телевизор было непереносимым моральным подвигом! Эта «эпическая» мыльная опера, сопровождавшаяся то точными бомбардировками, то мирными инвентарями, то историческими встречами, отразилась и в мировой политике, и в мировом сознании, и в мировом порядке.

Многие государства должны были бы поблагодарить и отметить как-то и «героя», и «героиню»! Народы, которым не удалось победить на финансовом рынке, на рынках вооружений или высоких технологий, торжествовали и упиливались реваншем: они победили на рынке моральности! Их президенты, их члены правительства, может быть, тоже совершали большие и малые преступления, но как мужики не были так позорно «засвечены». Это поднимало страны, стрававшие комплексом неполноценности, в их собственных глазах над единственной супердержавой! Пьяный сумеречный бред местного царька стал так болезненно восприниматься надорванным российским гражданским умом: наконец-то и учителя проколосили! А то с высококобой гарвардской иронией все учили и учили доверчивых россиян демократии!

Прошло время, и вдруг вижу, как, уже чуть похожий на Кошля, старый добрый Ларри в своих неизменных потяжках, которые так нас умиляли, интервьюирует «героиню». О чем они говорят? Да все о том же. О правах, о нравственности... А важно ли было для них, о чем они тогда говорили? Главное, чтобы тебя не переключили, чтобы ты занимал пространство, расширялся, рос, вытесняя ближнего. Ближний, он ведь тоже не лох — конкурент! Конкуренция и борьба — основа жизни.

Кто-то про это сказал — и все поверили! А Нагорной проповеди почему-то поверили не все. Почему?

Может быть, вообще притупилось у людей чувство стыда? Это, кстати, что такое в эпоху Интернета и мобильной связи? Передаются ли стыд от человека к человеку

на виртуальных носителях? Конечно, все мы свободные люди, а свободные люди имеют право выражать себя. В том числе и прохиндеи.

Россия оказалась в ремейке, но этого еще не осознала. Переделка — занятие не плохое и в жизни совершенно необходимое! Почти все в мире — ремейк. Америка — грандиозный ремейк Старого Света, но в нем заключено что-то совершенно новое! Америку подлинно изгой. Бежачие из своих стран люди не прокалили Европу и Азию. Они сказали себе и миру: у нас будет и то, и другое. Есть в Америке Венеция, Париж, Москва, Кембридж, Варшава... Есть целые территории, подобно Новой Англии. Надо ли мне рассказывать о том, какие национальные черты преобладают в ремейке Неаполя на берегу Мексиканского залива? Конечно, никто, никто додумать не может. О, sole mia; но в самом воздухе, напоенном шальным ароматом цветов и моря, среди рекламы кетчупов и гамбургеров, витает признание в любви к тому непотропанному Неаполю.

Ехал я в первый раз по флоридскому Петербургу и все искал что-то похожее на гениальные творения Росси и Растрелли. И хотя этот американский Петербург напоминает своими бухточками с дромонами качающимися маятами яхт скорее Нишу или Сан-Тропе, на душе мое было тепло. Я был в Петербурге — и этого было достаточно.

В ремейке американцам нет равных. Я встречал среди них фанатов ремейка. Однажды я был в гостях у одного американского строительного магната. Он был коренной техасец и республиканец, поднялся на использовании недорогой рабочей силы, в основном мексиканской. Его поместье повторяло различные архитектурные эпохи и стили: от барокко и классицизма до черных стеклянных объемов, означавших современный дизайн. Внутри дома находились бесчисленные копии статей великих мастеров, а за балконом балюстрада, на английском лужайке, я увидел клонированную флорентийскую галерею с поддельной статуей Давида перед ней.

Далекие предки магната приехали в Америку из Одессы, но сам он не говорил на русском и никогда не выезжал из Техаса. Я спросил миллионера: а видел ли он подлинник Микеланджело? Жена-красавица, моложе строителя на порядок, наверно, любившая путешествовать, раздраженно пожалала плечами. Строитель же указав рукой на своего Давида и ответил мне:

— Зачем? У меня есть свой. Говорят, где-то на просторах нашей страны стоит деревня Вашингтон...

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23, 915-26-06, e-mail: nov@og.ru
Отдел региональных проектов: Тел.: 915-78-50, e-mail: deeva@og.ru
Отдел развития: Зоя ВОЛКОВИЧ
Тел.: 915-70-40, e-mail: zvo@og.ru

Справа Александр Галин

Пьесу Жарри поставил режиссер Морфоз, болгарин, без пяти минут европеец, но со славянскими корнями. Публике был прельявлен театральной эстетикой, усиленный стараниями артистов. Присильных добирать эмоциями. Если бы эту пьесу ставил «чистый» европеец, полнопрованный, так сказать, абсурдист, то результат мог бы пагубно нашу публику. И так она, скажем мягко, слегка «напрягалась».

Во-первых, со сцены иногда звучала не совсем привычная в нашем театре неформальная лексика. Народ наш любит свой язык и не скрывает друг от друга его богатства и широты. Матерок звучит на российских просторах. Все мы слышим разговоры мальчиков и девочек, идущих из школы. Возбужденными воинственными стайками они останавливаются перекурить и выпить пива. Иногда кажется, что эти последние артисты Альфреда Жарри выкрикивают матерные слова для того, чтобы их слышали взрослые. Как только в жизни становится меньше озлобленных и голодных, а больше сытых и довольных, то мата застанет поубавится. Вот тогда и станет наш зритель с удовольствием воспринимать и изучать народный фольклор, как делают это американские зрители, для которых их лук давно стал общим местом кинолексики, и на него никто не обращает внимания. Но пока наша публика еще не привыкла коллективно воспринимать эти слова как искусство в театре.

В нашем театре принято просить зрителя отключить на время спектакля пейджеры и мобильные телефоны. Можно, конечно, сделать перед спектаклем предувеломление, что будет в нем звучать «крепкие» выражения. Но кто станет в положенных местах заткнуть уши?

Я не обратил внимания на несколько скороговорочных брошенных тобой слов, обозначающих «образы материально-телесного низа», а сосредоточился на загадке твоего Убо. Да, Альфреду Жар-

ровке. Но здесь он явно вызывал не те эмоции, на которые рассчитывали его изготавители. Они предполагали восторг, упоение, желание, удовлетворение, но вряд ли думали, что фаллос вызовет какие-то гражданские чувства, похожие на уважение. У нас фаллос стал посланием из другого мира, куда мы так стремимся! Он превратился в символ свободы, и нельзя было роптать и возмущаться против него! Освобожденный из моголетного советского «заточения», он слетелся героем, этот фаллос! Испуганно засуетились женщины, пряча излетие от глаз дочерей, заготовила какая-то шпана. Шел мимо ветеран всех войн и всех революций, остановился, привлеченный шумом и свистом, и замер. Долго-долго кончел он на ветру, как будто Меуза Горгона смотрела на него из свхваченного решетчатого ларечного окошка! О чем он думал? Испарна покрыла бледный лоб ветрана, покосился он по сторонам, сжал зубы. Постепенно собралась большая толпа. Перед фаллосом замер в ошеленении народ. Вышедший из своих плечазких многие исторические катаклизмы, он прivityк видеть в руках мужчин на площадях оружие, знамена, камни и кепки. Изображения детородного органа, которым он умел пользоваться не хуже других народов, прежде ему встречались только в музеях. Эти немые сцены, этот театр высоких фигур я наблюдал и на следующий день — и не было сил оторваться от растерянных лиц россиян и россиянки. Но никто фаллос не покупал. Смущала не цена, хот и была она велика, угнетало возможных покупателей другое: оно было лишено прилидо! Прошло еще несколько дней, и стал фаллос вроде бы уменьшаться в размерах — начали к нему привыкать.

Но знал продавец своего покупателя на излете первой весенней недели упаковал он все-таки изделие и передал его веселой толпе служивых теток, воинственно шумных, только что отменивших свой праздник с наскоро собранным застольем в безвестном учреждении!

И, став по привычке коллективным, этот публичный грех был женщинами поделен поровну... и не жалил, и не давил на совесть. Дальнейшую историю и судьбу фаллоса я готов описать в драматической форме, если ты, Саша, согласишься сыграть этого героя. Мне кажется, что он, закодированный и зашифрованный во многих творениях мирового искусства, дождался своего часа и заглавной роли. А кому, как не тебе, играть его! Он ведь тоже, в какой-то степени, «главный» и обязательный мошенник! Он нарушает табу и запреты, живет так, как ему вздумается. Он, тысячелетиями служивший слава ли не основ-

ными орудием в конкурентной борьбе мужчин за жизненное пространство, сейчас поник, растерялся, как будто и его достал исторический комплекс неполноценности. Кто, если не мы, поможем ему?

Ну а с ларьком после пролажи фаллоса ничего необычного не случилось. Постепенно алкоголь стал вытеснять остальную продукцию — на него всегда был и есть спрос у россиян.

А гуттаперчевые фаллосы все-таки не нашли широкого спроса. Хорошо, что пока еще наши варварки предпочитают живые. Казалось, в развитых и состоятельных демократиях проблема греха была упорядочена. Кто из советских туристов и командированных не проходил робкой, неслышной поступью, как говорят, «на цырлах», мимо легендарных красных фонарей и окон, в которых, как манекены в витринах, были выставлены на продажу молодые и не очень женщины.

Но никого из «местных» эти женщины не удивляли. Утоление избытков общественного темперамента было легальным ремеслом, объектом гражданского права и налогообложения.

Не знаю, почему-то после Ка-

бирии, после великого итальянского неorealizma, навесда недорвавшего мне сердце, женщина, посланная на панель нищетою, бесправием и ужасом окружающей ее жизни, вызывала у меня чувство сострадания. Моя пьеса «Звезды на утреннем небе» таких женщинна. В советские, цвета серого бетона времена эти яркие, смелые девочки, рвущиеся на Запад, казались мне настоящими героинями, искавшими свободы, другой жизни. Сколько я их встречал потом по миру, наших бедных советских Кабрири! Ушла под воду советская Атлантида, а они все бегут и бегут! Девушки первого призыва уже давно стали добродородными матерями и даже бабушками прелестных французов и итальянцев, турок и американцев, говорящих на русском с милым акцентом. Но в чем-то эти женщины сохранили слезы того страшного времени и зчучливом светлом бегстве. Тень общего греха, поделенного на всех, так и осталась в их глазах. Обидно, конечно, что и сейчас мигрируют женские особи в основном с Востока на Запад и очень редко в обратном направлении.

О было когда-то другое время, и направление было другое. Я живу в бывшей Немецкой слободе, где над Душой поднимается Лефортовский холм, где влудт среди умяных бревенчатых построек раскинется ширь дворец российского вельможи, которого прихотило русского царя сделала таково из безвестного немца. Сколько было на Руси иноземных мастеровых, архитекторов, гувернеров, поваров?! Что, интересно, делал француз Куку на балу в городе? Чичиков-то приехал за мертвыми душами, а господин Куку явно искал живую, глуповатую и доверчивую девичью душу. Тем же, скорее всего, был занят и грузинский князь Чипхакельдзе. Конечно, когда роду россияна, пока растущие из одного веса известного места, научат расти из положенного и научатся изготовлять хоть что-нибудь пригодное для жизни, а не для смерти, потянутся к нам не только нежные особи окранный бывшей советской империи, но и те, кто гордо и недоступно обитает пока за Шенгенскими воротами. Всеуо свое время. Правда, как тут, Саша, не вспомнить Некрасова, что «жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

Твой наивный и обязательный мошенник Убо не совершил никакого открытия, когда все свои порочные качества, все свои грехи, собственную жестокость и властолюбие, корысть и трусость, зависть и ничтожество разделил на всех. Он был главным вором, но дал понемногу поворовать и другим. Был главным сластолюбцем, но позволил чуть-чуть поте-

шится и остальным. Он был негодяем, но даровал своим подданным свободу — свободу быть негодяями. Он понял могучую силу общего греха. Простота этого механизма выражена тобою в предмах детского театра. Так играют артисты на Новогодних елках. Твой король жил сегодня и сейчас, ни о чем не задумываясь, как живут дети. Дети любят праздники, и мы их любим.

У нас их много. У нас мало хороших фильмов и спектаклей, но много всяких премий, торжеств и презентаций. Почему их так много? Не потому ли, что самые богатые и масштабные в мире карнавалы и гулянья прописаны в нищих странах! Мне довелось видеть в Калькутте праздник вполне скромного локального уровня — карнавал, посвященный женской улыбке. Поверь мне на слово, Саша, что до Калькутты нам еще пока далеко! У нас пока еще не снята на улицах тысяча людей, не бродят толпы нищих и голодных! Но как преобразилась Калькутта в день этого непонятного торжества. В цветах и огнях шли и шли бесконечной вереницей тяжелые грузовики, построенные с полвека назад. Перед машинами маршировали оркестры, а в кузовах везли громадные, сложенные из цветов, головы женщин с недовольными лицами. Их сжигали и сбрасывали в реку! Когда женщины довольна — на земле царят покой и мир. Миллионы нищих смотрели на это поучительное зрелище и были счастливы. Но фейерверки — временная вещь, и наши церемонии тоже. Обидно, что и они, у кого-то занятые, часто выглядят пародиями.

В последние годы вручения и торжества, усиленные телевизионной поддержкой, стали самыми яркими событиями нашего искусства, как будто мы решили своим вкладом в мировую культуру сделать не спектакли и фильмы, а новые премии. О наших классиках чаще всего вспоминают и говорят в контексте их иллюминированного награждения по номинации «За честь и достоинство».

В своих прежних письмах я писал тебе, что артисты и роли не случайно находят друг друга. Скрыт в этом «тайный узор жизни», как говорил Набоков. Я мог бы исследовать это явление на примерах многих актерских биографий, но я давно выбрал теорией для своих доказательств и тебе не изменю: все-таки ты у нас главный артист страны. Конечно, для меня ты был и остаешься не главным, а лучшим артистом, но для некоторых ты сейчас имеешь «главный» — председатель театрального Союза. То, что играешь ты, как бы укрупняется, «набирается курсивом», привлекает особое внимание критиков и публики. Не потому ли один высокий чиновник, отвечающий у нас за права человека, недавно в телевизионной передаче, название которой «Свобода слова» в данном случае звучало парадоксально, похвалялся, что ушел со спектакля демонстративно и никогда больше в твой театр не придет.

Обрати внимание, Саша, на слова: права человека! Свобода слова! Это уже не только из репертуара Запада! Это уже наши отечественные будни.

В щепи сыгранных тобою прохиндеев придурок Убо самый, как сейчас говорят, продвинутый. Он, ничтожество и плут, понял, что такое имидж, а точнее, харизма, и благодаря этому добился успеха.

Для многих оставалось загадкой: почему театр взял эту пьесу Альфреда Жарри, давно ставшую музейной реликвией европейского театра, почему ты это играл? Да, «король Убо» это всего лишь повторение пройденного. Благодаря твоей живой актерской природе повторение стало первично. Мало что понял, что ты решил, ослынувшись на западное прошлое, заглянуть в наше восточное будущее, туда, где будет безраздельно править российский демос, где будет царствовать свобода и где она выразит себя, и где свободными, увя, станут не только порядочные люди, но и негодяи.

Вопрос только в том, кто окажется в большинстве.

Как все похоже в театре и в жизни!

Неужели надо повторить, сыграть гигантский, длинной не в один век, наш исторический ремейк? Неужели все надо попробовать на ошупь, на зуб?

Нам-то, конечно, все-таки легче: мы в это играем! А люди притуд по живому. Но, может быть, играем для того, чтобы им легче было идти?

Главный редактор номера: Виталий ЯРОШЕВСКИЙ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается по согласию с редакцией.
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Вёрстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
С этим знаком, а также в рамках
публикуемых пресс-релизов, информаци-
онно-коммуникационных технологий
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных сообщений

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тариф «ОГ» — 214633 экз. (региональный — 152000 экз.)
Цена свободная
Различное распространение в Московском Метрополитене
в С.-Петербургском Метрополитене
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса»
125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. Правды, 24
Номер подписки в печать 24.04.2002 г.
Заказ 1153.
1 2 3

Наш подписной индекс: 32138